

Культурная революция эпохи Петра I. Тенденции и направления вектора культурной парадигмы XVIII века.

Садрей А. Р.

студентка

ГАПОУ АО «Астраханский колледж арт-фэшн индустрии»

Астрахань

Мамаева Ю. В.

студентка

ГАПОУ АО «Астраханский колледж арт-фэшн индустрии»

Астрахань

Светлана Г. С.

студентка

ГАПОУ АО «Астраханский колледж арт-фэшн индустрии»

Астрахань

Помимо политики правление Петра I вошло в историю и преобразованиями в области моды.

В 1697 году Петр I совершил свою первую зарубежную поездку в Европу в составе великого посольства и посетил почти все европейские страны: Голландию, Францию, Германию, Англию и другие королевские дворы. Петр видел, как выделяются одеждой на европейском фоне думские бояре и дьяки. [1]

В январе 1700 года Петр I издает указ: «На Москве и в городах носить венгерские кафтаны... Кто успеет сделать, носить с Богоявленьева дня нынешнего года». Так в России началась модная революция.

На Западе бород не носили и над русскими бородачами насмеялись. Петр оказался солидарным с этим мнением. Поворотным моментом стало полутораговое путешествие русского царя инкогнито с Великим посольством по Европе. [3]

После возвращения с Великого посольства Петр больше не мог мириться с «устаревшим» образом жизни Руси и решил бороться не только с внутренним, но с внешним его проявлением.

5 сентября 1698 года царем был издан указ: рубить бороды. Первым делом этот указ касался бояр, купцов, военачальников, но не обошел стороной он и остальных горожан мужского пола. [3]

Долгое время бритье бороды и усов считалось на Руси грехом. Поэтому, когда в 1698 году молодой царь Петр I собственноручно отрезал бороды нескольким знатным боярам, это вызвало непонимание и удивление.

После сбривания бороды дворяне лишались привычного мужественного внешнего вида, священники отказывались обслуживать безбородых, и были даже случаи, когда после принудительного бритья бояре кончали жизнь самоубийством.

В 1698 году Петр I установил налог на бороду, уплатившим который выдавался специальный жетон, предьявлявшийся городовым. Уже в 1705 году был издан указ, согласно которому единственными, кому разрешалось не брить бороду и усы, оставались священники, монахи и крестьяне. Со всех остальных за непослушание взимался повышенный налог, размер которого зависел от сословия и имущественного положения нарушившего. Пошлина на ношение бороды существовала и после смерти Петра, а отменили ее лишь в 1772 году. [4]

29 августа 1699 года вышел указ о запрете на старый русский костюм. В январе 1700 года Петр I велел всем носить платье на манер венгерского, немного позже в качестве примера стал приводиться немецкий костюм, и в конце концов боярам и дворянам предписывалось носить немецкое платье по будням и французское – по праздникам. [5]

Женщины должны были переодеться в европейское платье с 1 января 1701 года. Небогатым дворянам давалось два года, чтобы доносить старое платье – на одежду ставилось специальное клеймо с указанием даты. В качестве наглядных образцов нового костюма на городских улицах были выставлены чучела, одетые на новый манер.

Согласно предписаниям, мужчинам теперь следовало одеваться в укороченный кафтан (на французский манер — жюстокор), камзол и штаны (кюлоты). Европейский кафтан был значительно короче традиционного русского – он доходил только до колен. Достаточно плотно облегающий фигуру сверху, книзу он становился более широким – по бокам у кафтана были складки, а по центру спинки и по бокам – разрез. Это делало кафтан более удобным и практичным, теперь в нем можно было даже ездить верхом. Отвороты на рукавах – обшлага – делали достаточно широкими и нашивали на них декоративные пуговицы. Сам кафтан, как правило, либо носили нараспашку, либо застегивали на несколько пуговиц – под ним всегда был виден камзол. [4]

Камзол в большинстве случаев шился из одной ткани с кафтаном, но был значительно короче и не такой широкий книзу. По бокам у этой одежды также были разрезы, но, в отличие от жюстокора, не было складок. Рукав был узкий (иногда его не было вовсе), а воротник к камзолу никогда не пришивали. Камзол застегивался на пуговицы и мог украшаться вышивкой и узорами на ткани. Обычно при пошиве сохранялось единство кроя, однако

для особых случаев можно было варьировать фактуру и цвет, а также надевать кафтан и камзол, сшитые из разных материалов и разных цветов. Вместе с укороченными кафтаном и камзолом в моду вошли короткие штаны, которые обычно носили с широким тканевым поясом, собранным на спине. В теплое время года мужчины носили высокие шелковые чулки с кожаными башмаками, а осенью и зимой надевали такие же высокие сапоги. Большое внимание уделялось украшениям и деталям. В дополнение к наряду мужчины стали носить броши, запонки и булавки для галстуков. В моде было кружево, очень популярным после реформы стало жабо. Что касается головного убора, привычные тафью и мурмолку заменила треуголка. Треуголку делали из черного фетра, причем шляпу не шили, а складывали ткань определенным образом. Постепенно в моду входил и популярный в Европе парик. В качестве верхней одежды распространены были суконные плащи. Позже к такому наряду прибавились некоторые детали – часы на цепочке, трость, лорнет, перчатки и шпага, которую носили на портупее и пропускали сквозь один из разрезов по бокам кафтана. [5]

Вся одежда обычно расшивалась золотой и серебряной нитью, ширина шитья не должна была превышать девяти сантиметров. Особо украшался парадный костюм – и в этом было его единственное отличие от повседневной одежды.

В это же время вошла в моду специальная одежда для дома – шлафрок. Шлафроком называли халат, который бояре и дворяне надевали в домашней обстановке поверх рубахи и кюлота.

В начале XVIII века одежда столичных дворянок стала походить на французское платье конца XVII века. Дамский костюм теперь состоял из юбки, корсажа и распашного платья – все это надевалось на льняную сорочку. Корсет, который в Европе носили с XVI века, доставлял женщинам особые неудобства. У состоятельных дам он всегда был обтянут шелком и щедро обшит пуговицами, кружевом и лентами.

Как и узкий корсет, неотъемлемой частью женского платья была очень широкая юбка, которая на фоне изящного верха выглядела особенно контрастно. Чтобы юбки держали форму, под них надевались каркасы – фижмы. Такие юбки, пришедшие из Европы, подходили для теплого французского климата, но русская зима требовала более теплой одежды, поэтому в холодное время года юбки простегивались ватином.

Поверх платья женщины надевали робу – название этой верхней одежды произошло от французского "robe" – "платье". После петровской реформы роба заменила традиционные русские летники и опашни. Роба представляла собой длинное распашное платье, которое в начале века было принято расшивать и украшать камнями, кружевом и цепочками сверх всякой меры. По степени богатства и роскоши робы судили о знатности ее обладательницы.

Наряды дополняли ожерельями, диадемами, браслетами, поясами, пряжками для платьев и обуви. Вместе с висящими жемчужными нитями

теперь стали носить склаваж – украшение на тканевой повязке, которую завязывали высоко на шее.

Как и все заграничное, европейские наряды прижились в России с некоторыми поправками, продиктованными, в основном, суровым климатом. Кроме упомянутых простеганных ватином юбок, неотъемлемой частью гардероба в это время стали платки, косынки и накидки. Женщины, вынужденные носить платья из тонкой ткани с открытыми плечами, руками и декольте, использовали эти аксессуары скорее для тепла, чем для красоты. Примерно тогда же и по той же причине в обиход вошли чулки – в повседневной жизни девушки носили хлопковые или шерстяные, во время торжественных выходов надевали шелковые.

В начале XVIII века в моде была остроносая обувь, чаще всего на большом каблуке – до десяти сантиметров. Туфли для балов шили из атласа, парчи и бархата, в остальных случаях женщины носили кожаные сапожки.

"Посягательство на традиции", каким считалась мода на непокрытую голову, заставило женщин задуматься о прическе – теперь нельзя было просто расчесать волосы и спрятать их под кичу или косынку. Большинство дам стали завивать волосы волнами и распускать их на плечи и спину. Образцом красоты считалось открытое лицо, поэтому ни челок, ни локонов, свисавших на лоб, в то время не носили. Со временем для сооружения сложных причесок потребовались парики и шиньоны, шпильки и специальные каркасы для волос, которые везли из-за границы и приобретали за немалые деньги.

На улице женщины надевали на голову кружевной чепчик. Поначалу многие пытались поплотнее надвинуть его на голову, стесняясь показываться на людях с выглядывающими из-под чепчика волосами.

По замечаниям послов и их приближенных, присутствовавших на крупных балах начала века, к 1710 году русские дворянки уже "правильно" красились и причесывались, не уступая европейским дамам.

Однако последнему слову моды следовали далеко не все. И если придворные дамы блистали изысканными платьями и драгоценностями, то обычные дворяне чаще всего выглядели не так нарочито торжественно, хотя и носили платья на европейский манер. Строже всего следовали моде в Петербурге, чуть менее – в Москве, за столичными жителями пытались угнаться мелкопоместные дворяне.

У Петра Первого был прекрасный вкус. Он мог в иных ситуациях быть рабочим, корабелом, солдатом, выбирая простую или форменную одежду. Но если дело касалось бала, приема, ассамблеи, то Петр был великолепен.

Гардероб на все случаи жизни

Петр I был человеком деятельной натуры, любил удобство и комфорт во всем – это относилось и к одежде.

Выбор одежды всегда был связан с целями и режимом дня императора и соответствовал месту, куда он направлялся. В любимую им голландскую одежду Петр I облачался, когда шел работать на верфи или отправлялся в плавание на судне. Так, куртка-бострог голландских мореходов надежно

скрывала его от ветра, а широкие из толстого сукна штаны, пропитанные специальным составом, со сборкой на поясе не стесняли движений и защищали поясницу.

Однако статус императора обязывал Петра I следить за модой, которая в те времена была не так изменчива, как сегодня. Модный силуэт сложился еще при правлении французского короля Людовика XIV и менялся только в деталях: расположение карманов, количество пуговиц и размеры рукавов.

Иностранец, проживший несколько лет в России, камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц подробно описал в своем дневнике одежду императора на коронации Екатерины I в 1724 году: государь был в костюме небесно-голубого цвета, сшитом из гродетюра, в красных шелковых чулках, туфлях на каблуке с серебряными пряжками и в шляпе с перьями.

Такую парадную одежду для государя заказывали дипломаты или торговые агенты в Западной Европе, откуда она и доставлялась в виде патронов (раскроенные и уже вышитые детали костюма). В России же портные собирали подобные костюмы буквально по фигуре Петра I. Часто оказывалось, что ткани не хватает. «Смотришь вблизи камзол и не понимаешь – тут и там вставки. Как же так, государю ведь шили? Ничего, Петр спокойно на это реагировал. Но к коронационному голубому наряду это не относится: качество работы безупречное, патрон делали в Берлине, но и наши мастера постарались, собирая его.»

На трудоемкой сборке костюма по фигуре трудности не заканчивались. Великолепные камзолы, вышитые золоченой нитью, нельзя было стирать. Если пятно или дырка оказывались на видном месте, приходилось заказывать новый. А шились эти произведения портновского искусства долго.

Модные легенды и история одного гардероба

Фигура Петра I окутана множеством мифов и домыслов, в том числе о чувстве стиля и одежде императора.

В народе также ходила легенда о том, что тот самый гродетуровый коронационный костюм Петру I вышила лично его супруга – Екатерина I. Специалисты уверены – это миф: уровень мастериц, которые работали над костюмом, слишком высок. Однако когда реставраторы Эрмитажа занялись очисткой тканей этого комплекта, то под подкладкой камзола обнаружили вышитую непрофессиональным швом маленькую корону. Такой тайный знак могла оставить только Екатерина I. Именно ее, шведскую прачку, Петр I возвел на Российский престол. Возможно, кто-то из придворных видел, как она вышивала крестики и цветочки на короне шелковыми нитками, и так родилась красивая легенда.

Однако, несмотря на значительное количество домыслов вокруг императорского костюма, его реальная история была не менее запутанной и интересной. Так, в 1712 году он подписывает указ о том, чтобы все его ранние вещи из Преображенского села были перевезены в Петербург. И современники, «зараженные» этой страстью, сохранили гардероб императора после его смерти. Все вещи остались на хранение в казенных кладовых

(именно отсюда были выбраны первые вещи императора для экспозиции в первом музее России Кунсткамере).

Позже уже при Екатерине II современники предлагали императрице отправить все вещи в Москву, в Оружейную палату, где традиционно хранились коронационные наряды русских царей и императоров, но она отказалась от этой идеи. С 1765 года гардероб хранился во дворце Марли в Петергофе. Вовремя же Отечественной войны 1812 года вещи даже успели побывать в эвакуации. В 1848-1849 годах император Николай I приказывает весь гардероб перевезти в галерею Петра Великого, которая находилась в Малом Эрмитаже. В 1912 году всё было перевезено в новое здание Кунсткамеры в Таможенном переулке, где вещи хранились до 1930 года (потом были переданы в Историко-Бытовой отдел Русского музея). После целого ряда перипетий и путешествий из музея в музей все собрание Историко-Бытового отдела передали в Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

Сегодня эксперты не полагаются на удачу. Ведь ткани – недолговечный органический материал, но особые условия и работа реставраторов продлевают гардеробу жизнь: одежда императора находится под защитой стеклянной стены, освещена светом без ультрафиолетового излучения при постоянной температуре от 18-20°C и влажности 45%.

Список литературы:

1. Анисимов Е. В. "Петр Первый: Рождение империи", в кн. "История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX-начала XX в." /сост. С. В. Мироненко. - М. 1991. с. 367
2. Буганов В. И. "Петр Великий и его время" - М., 1989. с. 192
3. Молчанов Н.Н. "Дипломатия Петра Великого" – М, 1990. с. 448
4. Мавродин В. В "Рождение новой России" - Л, 1988. с. 531
5. Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. Т.4 Курс русской истории.Ч.4 - М., 1989. с. 398